МАТЕРИК НАИЗНАНКУ • КНИГА ПЕРВАЯ

НЕПРОВЕРЕННЫЙ ГОРИЗОНТ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Первое издание

Алёна Северина

Непроверенный горизонт

«Автор»
2026

Северина А.

Непроверенный горизонт / А. Северина — «Автор», 2026

На далёкой океанической планете радар показывает участок суши, которого нет на картах. Геохимик Мира Энкель подозревает, что обещанный материк — непрочная минеральная корка, меняющаяся вместе с течениями. Пока колонисты готовят место для новых домов, исследователям предстоит разобраться, что скрывается под белой поверхностью, как связаны её исчезновение и необычные структуры в воде — и какую цену придётся заплатить за слишком поспешную высадку.

© Северина А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Северина
Непроверенный горизонт

Глава 1. Сухая отметка

Мира Энкель узнала о новом острове из сообщения, в котором не было слова «остров». На экране геохимической лаборатории появилась сухая строка: «Объект суши. Достоверность высокая». Под ней стояли координаты, время пролёта и отметка навигационного отдела. Мира приблизила изображение. Посреди ровной океанской поверхности лежала светлая полоса, вытянутая по направлению местного течения. На карте этого места не было ничего, кроме глубин, измеренных в конце прошлого сезона. Она проверила дату карты, затем дату снимка и только после этого вызвала гидрографа.

Леон Варден пришёл с чашкой остывшего настоя и с таким выражением лица, будто уже успел выслушать десяток восторженных объяснений. Он занимался картами с тех пор, как колониальный корабль «Предел» вышел на орбиту Иары, и не любил слова «открытие». В его отделе так называли только то, что выдержало повторное измерение. Он взглянул на полосу, сверил координаты и сказал, что там должна находиться банка, но даже в самый низкий уровень воды её вершина оставалась под поверхностью. Мира спросила, насколько точны прежние глубины. Леон ответил, что данные получены автоматическими буями, часть которых ушла с места во время штормов. Ошибка могла составлять несколько метров, но не целый остров.

За иллюминатором медленно поворачивалась планета. С орбиты она казалась почти лишённой суши: облака, тёмные течения и редкие светлые вихри на воде. Люди уже успели закрепить на экваториальном течении три автономных биокупола, связанные грузовыми платформами. Внутри росли водоросли, пищевые культуры и первые деревца, которым требовался искусственный грунт. Купола выдержали два сезона, но расширяться им было трудно. Каждая новая опора отнимала металл, каждое судно — топливо, а привезённые запасы не могли бесконечно заменять местные ресурсы. Поэтому даже сомнительная отметка суши вызывала на корабле больше надежд, чем могла выдержать одна строка измерений.

Леон открыл исходные радиолокационные данные. Автоматическая система выделила участок как твёрдую поверхность по характеру отражения и по отсутствию привычной картины волн. Но прибор не видел почву. Он видел возвращённый сигнал, который мог измениться от шероховатой корки, необычной солёности воды или множества мелких гребней. Мира попросила показать измерение высоты над средним уровнем океана. Оказалось, что высотомер работал на другом участке траектории, а значение для светлой полосы было вычислено из соседних точек. Леон замолчал. На карте рядом с координатами уже стоял значок берега, хотя ни один прибор не подтвердил, что там можно стоять ногами.

В рубке начальница экспедиции Сая Керн слушала доклад, положив ладони на край стола. На соседнем экране инженер грузовых операций показывал схему возможной посадки. Он предлагал отправить лёгкий модуль, поставить на предполагаемой суше маяк и проверить, выдержит ли площадка временный склад. На борту модуля не было людей, и это казалось ему достаточной осторожностью. Сая спросила Миру, есть ли причины считать отметку ложной. Мира ответила, что у неё пока нет причин считать её истинной. Инженер раздражённо заметил, что такими словами можно остановить любое исследование. Она согласилась: исследование действительно нельзя начать с утверждения, будто его результат уже известен.

Сая не любила споров, в которых каждый защищал собственное ведомство. Она велела назвать действие, которое можно выполнить сегодня без риска потерять модуль. Леон предложил повторный пролёт с изменённым углом наблюдения. Мира попросила одновременно получить спектральные данные с той же полосы и измерить температуру поверхности. Если это сухая минеральная корка, её нагрев и охлаждение могут отличаться от соседней воды; если

тонкая плёнка на воде, различие окажется иным. Инженер возразил, что облачность помешает наблюдению. Сая назначила окно между двумя облачными фронтами и отложила решение о посадке до его окончания.

Когда совещание закончилось, Мира вернулась в лабораторию и подняла данные прошлых месяцев. Светлая полоса появлялась на некоторых снимках и прежде, но автоматический разбор относил её то к пене, то к мелководью, то к помехам. В каждом случае наблюдение было слишком коротким, чтобы его проверили вручную. Мира расположила изображения по времени, а не по степени яркости. Полоса меняла очертания, но не перемещалась вместе с ветром. Её северный край оставался привязан к одной линии глубин, тогда как южный словно размывался в течении. Это не доказывало существование суши, однако говорило, что причина находится не только на поверхности.

К ней заглянула биолог Тамара Несс, отвечавшая за наблюдение за местными микробными сообществами. Тамара услышала о находке от техников и принесла собственную карту окраски воды. В районе банки иногда возникало узкое пятно, богатое растворёнными минералами. Оно не совпадало полностью с радиолокационной полосой, но начиналось у того же края. Тамара предположила, что на мелководье образуется плотный слой живого осадка. Мира попросила не называть его живым до отбора проб. Биолог возразила, что в водах Иары уже нашли организмы, способные связывать минеральные частицы. Они спорили не о возможности такого процесса, а о том, насколько далеко можно переносить вывод из одного места в другое.

Вечером Сая вызвала её снова. Совет колонистов потребовал сообщить, когда начнётся разведка. Инженер предложил компромисс: отправить к банке беспилотный поверхностный аппарат, который может двигаться по воде и не нуждается в посадочной площадке. Мира поддержала предложение, но попросила изменить программу. Аппарат должен был сначала обойти участок по внешнему краю, измерить глубину и солёность, а уже потом приближаться к светлой полосе. Если он войдёт прямо в неизвестную зону, можно разрушить то, что они пытаются изучить. Сая согласилась с обходом, хотя он требовал дополнительного времени и расхода энергии.

Леон принёс результаты нового пролёта ближе к полуночи. Радиолокационная полоса сохранилась, но при другом угле наблюдения её край стал менее чётким. Спектральные измерения указали на минеральную взвесь у поверхности воды; тепловые данные не позволяли уверенно отделить мелководье от обнажившейся корки. Мира сравнила снимки и заметила тонкую тёмную линию вдоль западного края. Она попросила Леона увеличить контраст без автоматического сглаживания. Линия распалась на отдельные пятна. Их расположение совпало с местами, где прежние буи отмечали повышенную плотность воды. Леон предположил, что перед ними не остров, а вершина подводной гряды, над которой на время появляется необычный слой осадка.

Перед началом спуска беспилотного аппарата Сая провела короткую связь с командирами биокуполов. В одном из них недавно вышла из строя установка переработки солей, и ремонтные материалы занимали место, предназначенное для новых жилых секций. Люди ждали решения о расширении. Сая не скрывала, что находка могла бы изменить планы, но подчеркнула, что разведка не равна разрешению на строительство. Мира слушала и впервые ощутила вес собственной осторожности. Для тех, кто жил в тесноте под прозрачной оболочкой, каждый день ожидания имел цену. Она должна была назвать эту цену честно, не подменяя ею свойства неизвестного грунта.

Аппарат вышел из посадочной капсулы над океаном и развернул плавучие опоры. С орбиты его путь выглядел тонкой движущейся точкой. Первые измерения подтвердили обычную солёность воды, затем датчики зарегистрировали устойчивое повышение концентрации растворённых соединений. Глубина уменьшалась плавно, без резкого уступа. Мира попросила остановить аппарат до границы светлой полосы. Оператор сообщил, что впереди видны мелкие

волны, но под ними просматривается светлое дно. Это было первое прямое наблюдение, и оно не подтверждало картину сухого берега.

На общем экране появилась фотография, сделанная низко над водой. Вдали тянулась неровная бледная поверхность, местами пересечённая узкими тёмными протоками. По ней пробегали короткие волны. Там, где на карте стоял значок суши, вода всё ещё двигалась. Леон тихо произнёс, что высота уровня, вероятно, изменилась со времени радиолокационного пролёта. Мира попросила записать точный час снимка и положение местных спутников, влияющих на прилив. Она не знала, что именно увидит аппарат при следующем подходе, но уже могла сказать одно: обозначение на карте оказалось преждевременным.

Сая приказала убрать значок постоянного берега с навигационного экрана. Вместо него появилась заштрихованная область с предупреждением о неизвестной глубине. Несколько минут спустя из жилого отсека пришёл вопрос, почему обещанную землю снова превратили в воду. Мира прочла сообщение и не стала поручать ответ дежурному. Она сама составила короткое объяснение: прибор обнаружил необычную поверхность, но её высота и прочность не подтверждены; разведка продолжается. Перед отправкой она убрала слово «ошибка». Измерение не было ошибкой. Ошибкой было желание назвать его ответом раньше времени.

Наутро Мира застала оператора Орена у экрана беспилотного аппарата. За ночь тот не приблизился к светлой полосе ни на метр: Сая приказала дождаться второго орбитального пролёта. Теперь над банкой тянулись ровные облака, и свет на воде менялся так быстро, что камера то теряла границу, то показывала её необычайно резкой. Орен сообщил, что автоматика готова проложить путь до самой кромки. Мира попросила оставить ручное управление и вывести рядом с изображением точное время каждого измерения. Оператор не понял, зачем нужны секунды, если поверхность почти неподвижна. Она указала на тёмный проток: его ширина менялась даже за время их разговора. Орен пригляделся и убрал с экрана рассчитанную линию берега.

Леон принёс график местного прилива. Два небольших спутника Иары проходили над противоположными сторонами океана, и простое расписание подъёма воды, рассчитанное для биокуполов, здесь не подходило. Возле банки течение огибало подводную гряду, задерживалось на мелководье и возвращалось в протоки неравномерно. По старым буям, максимальный уровень мог запаздывать на несколько десятков минут. Мира положила на стол снимки с орбиты и спросила, какой из них сделан в тот момент, когда измеритель глубины аппарата показывал наименьшее значение. Леон ответил не сразу. Время радиолокационного пролёта записали по часам корабля, а время зонда — по часам самого аппарата, которые после спуска ещё не сверяли.

Орен покраснел, хотя никто его не обвинял. Он показал журнал: при выходе из капсулы связь на короткое время прервалась, и внутренние часы аппарата перешли на запасной ход. Ошибка составляла меньше минуты, но никто не знал, оставалась ли она постоянной. Мира попросила не исправлять старые записи задним числом. Они передали аппарату три последовательных сигнала с корабля, сравнили задержку ответа и записали разницу отдельно. Оказалось, что показания смещены на сорок две секунды и медленно уходят дальше. Для обычного маршрута по открытому океану это почти ничего не значило. Для попытки сопоставить короткую полосу суши с меняющейся поверхностью воды ошибка могла создать несуществующий выступ. Орен сам поставил возле прежних точек знак сомнения.

Когда часы привели к общей шкале, Мира велела аппарату пройти вдоль западной границы банки. Он двигался медленно, оставляя за собой едва заметный след. Глубиномер показывал то плавный подъём дна, то резкий провал на участке, где камера не видела никакого обрыва. Леон сначала решил, что под поверхностью проходит узкая трещина. Но на следующем отрезке провал исчез, хотя аппарат шёл вдоль той же линии. Мира потребовала вывести не готовую глубину, а исходный отклик прибора. На экране возникли две почти равные полосы

отражения: одна от верхней границы плотного слоя воды, другая — от дна. Автоматическая программа выбирала более сильную полосу и иногда меняла выбор посреди измерения.

Тамара, приглашённая из биологического отсека, не стала давать названия этому слою. Она предложила проверить температуру и электропроводность воды на нескольких уровнях. Орен опустил зонд на длинном гибком тросе, удерживая аппарат на расстоянии от светлой кромки. В верхнем метре вода была обычной для этих широт. Ниже солёность росла, а температура менялась так, словно между двумя слоями лежала тонкая невидимая перегородка. Мира вспомнила старые данные буёв, которые считали неисправными после шторма. Тогда скачок показаний объяснили загрязнением датчиков. Теперь такой же скачок повторился в новом приборе, прошедшем проверку перед спуском. Это ещё не делало все старые записи правильными, но требовало вернуть их в работу.

Инженер Риан пришёл в рубку со схемой возможного склада. Он сказал, что если проблема в воде, а не в грунте, аппарат может взять пробу корки, и тогда они перестанут спорить о словах. Мира ответила, что проба нужна, но не прежде, чем они научатся отличать дно от слоя, который прибор принимает за дно. Риан указал на жилые купола, видимые на соседнем экране. В одном из них семь семей спали по очереди в общей секции, пока инженеры меняли перегородки. «Я не предлагаю поселить их на рисунке, — сказал он. — Я прошу дать срок, после которого рисунок перестанет быть единственным результатом». Мира попросила назвать этот срок. Через девять суток к куполам должен был подойти грузовой караван, и если для него не найдут места, часть материалов придётся оставить на корабле до следующего оборота.

Леон заметил, что за девять суток они успеют увидеть только часть приливного цикла. Тогда Сая предложила разделить решения. Место для тяжёлого причала нельзя выбирать по одной неделе наблюдений; зато маршрут каравана можно изменить уже сейчас, если определить безопасные глубины вокруг банки. Риан долго рассматривал свою схему. Потом зачеркнул прямоугольники склада, оставив на листе только линию возможного обхода. Он не стал скрывать недовольства: новый путь потребует дополнительного топлива, а запас уже распределён. Сая поручила ему представить расчёт к следующему совещанию. Мира поняла, что впервые за сутки её предупреждение превратилось в конкретную работу другого человека.

К полудню аппарат достиг участка, где белая поверхность почти касалась воды. Между светлыми плитами шевелились тонкие струи, словно кто-то медленно переливал воду из одного неглубокого сосуда в другой. Камера различала мелкие неровности, но определить их высоту было невозможно. Мира попросила выпустить лёгкий плавающий маркер и следить за ним независимо от показаний глубиномера. Маркер отнесло в сторону, затем он на мгновение остановился возле светлой плиты и пошёл обратно, хотя ветер не менялся. Леон построил по его движению направление поверхностного потока. Оно не совпало с направлением, рассчитанным по старой карте. Значит, прежняя схема течений не просто была неполной: в этом месте она могла привести судно к самой опасной кромке.

Сая разрешила второй маркер, но запретила приближать аппарат к плите. Орен спустил его с другой стороны протока. Два маленьких поплавка двигались навстречу друг другу, пока между ними не возникла узкая полоса неподвижной воды. Тамара наклонилась к экрану. Она заметила, что по обе стороны полосы меняется оттенок взвеси. Мира велела сохранить исходное изображение без цветового усиления. Тамара согласилась и попросила отдельно записать, при каком освещении сделан кадр. Они уже однажды приняли слишком яркую полосу за сушу; повторять ту же ошибку с цветом воды было бы особенно досадно. Однако граница существовала и без обработки: маркеры действительно не могли пересечь её обычным дрейфом.

К вечеру аппарат вернулся к исходной точке. Там, где утром камера показывала тонкую полоску воды поверх белой плиты, теперь виднелся тёмный проход шириной в несколько метров. Орен сверил координаты и обнаружил, что маркер, оставленный возле границы, исчез из поля зрения. Его передатчик ещё отвечал, но сигнал приходил из-за края банки. Он предло-

жил немедленно пойти за ним: потеря даже такого простого устройства означала бы лишний расход. Мира посмотрела на карту неопределённости. Прямой путь проходил через участок, где два измерения глубины расходились почти вдвое. Она отказала. Орен сердито снял руки с управления, а потом предложил иной способ: оставить аппарат на месте и проследить движение маркера по его сигналам, пока тот не выйдет в открытую воду.

Сигнал слабел и возвращался. По нему Леон восстановил узкую петлю течения, которой не было ни на одной прежней схеме. Маркер описал круг, вышел к внешней стороне банки и снова стал виден камере. Орен облегчённо рассмеялся. Устройство они не потеряли, но важнее оказалось другое: опасный проход можно было обнаружить, не входя в него. Мира попросила нанести петлю на временную карту, не превращая её в постоянную стрелку. Они видели только один вечер и один уровень воды. Завтра течение могло повернуть иначе. Леон поставил рядом с линией дату и диапазон времени, в который наблюдение действительно было верным.

Перед сменой Мира вернула Риану сложенную схему. На ней больше не было площадки для склада; вместо неё инженер начертил широкий обходной коридор для каравана и оставил пустое место там, где измерения противоречили друг другу. Он спросил, означает ли это, что от острова придётся отказаться. «От слова — пока да», — ответила Мира. Риан провёл пальцем по пустому месту. «А от возможности?» Она покачала головой. Возможность ещё предстояло исследовать, но её нельзя было включить в расчёт как готовую опору. Он взял схему и сказал, что завтра начнёт считать запас топлива для обхода. В его голосе не было согласия со всем, что говорила Мира. Было решение, за которое он отвечал сам.

Утром Риан принёс не новую схему причала, а перечень грузов, которые придётся оставить на орбите, если караван обойдёт банку с востока. Он разложил на столе три листа. На первом стояли массы и сроки доставки, на втором — запас топлива у буксиров, на третьем — названия отсеков, где люди уже несколько недель жили среди нераспакованных контейнеров. Мира начала читать с последнего листа. В жилом куполе «Второй круг» не хватало сменных фильтров для опреснителя; в другом ожидали герметичные перегородки. Риан сказал, что для него это не отвлечённые строки. Его сестра работала на «Втором круге», и он каждый вечер видел по связи, как она отодвигает ящик, чтобы открыть дверь. Он не требовал признать банку сушей. Он требовал объяснить, какие именно измерения позволят перестать ждать.

Мира предложила проверку, которой вчера не было в их расписании: одновременно наблюдать светлую полосу с орбиты и с поверхности, не приближая аппарат к неизвестной кромке. Риан спросил, почему двух снимков, сделанных почти в один час, недостаточно. Она показала ему три полосы отражения, полученные при разных углах. На первой граница казалась прямой, на второй распадалась на отдельные участки, на третьей почти исчезала. Если поверхность действительно возвышалась над водой, её очертания должны были менять вид определённым образом. Но для сравнения не хватало независимой отметки уровня. Мира попросила у Леона два свободных измерителя, которые можно было опустить в открытой воде по обе стороны банки. Риан помолчал, потом вписал в свой расчёт ещё одну строку расходов — время буксира на доставку приборов.

Сая выслушала предложение без возражений, но спросила, кто возьмёт ответственность за дополнительный выход. Сильное течение могло унести измерители, а резервных приборов оставалось немного. Мира назвала себя. Начальница экспедиции ответила, что ответственность нельзя записать одним именем: если потеряют оборудование, без наблюдений останется участок возле жилых куполов. Тогда Леон предложил не ставить постоянные буи. Один измеритель можно было закрепить на существующем плавучем аппарате, второй — опустить с малого катера, не оставляя его в воде дольше часа. Сая разрешила подготовку при условии, что катер не пересечёт границу безопасного коридора. Риан попросил присутствовать при испытании: ему предстояло защищать новый маршрут перед советом, и он хотел видеть не только итоговую карту, но и то, как она получается.

Катер вышел из тени облачного фронта, когда орбитальный аппарат начал новый пролёт. Вода вокруг была почти чёрной, а вдали белела неровная полоса. На первый взгляд она выглядела прочнее вчерашнего: отдельные плиты будто лежали поверх волн. Орен передал изображение с беспилотника, оставленного на безопасной глубине. На его камере те же плиты были скрыты тонким слоем воды. Риан попросил увеличить снимок. Мира отказалась делать вывод по увеличенному изображению и велела показать оба кадра рядом с часами наблюдений. В этот момент пришло сообщение с корабля: радиолокатор снова определил сухую поверхность с высокой достоверностью. Сая не изменила навигационную отметку. Она потребовала дождаться показаний измерителей, прежде чем передавать новость в купола.

Пока они сопоставляли изображения, на экране орбитального снимка белая полоса стала шире. Риан невольно выпрямился. Казалось, перед ними действительно выступает берег. Но камера аппарата в ту же минуту показала, как по белой поверхности перекатывается невысокая волна. Она не разбивалась о край, а проходила дальше, оставляя на плите тонкие тёмные прожилки. Мира попросила Орена сохранить непрерывную запись. На отдельных кадрах плита выглядела сухой, между ними — мокрой; глаз выбирал самое убедительное изображение и забывал остальные. Риан тихо сказал, что на таком снимке можно построить целый город, если не знать, что происходило за мгновение до него. Никто не ответил. Они продолжали смотреть, как вода на несколько секунд превращает будущий берег в светлую обманчивую площадку.

Неожиданно на катере сработало предупреждение о приближении к границе коридора. Рулевой сообщил, что двигатели работают ровно, но судно медленно сносит к банке. Леон сверил положение с бумажной схемой: течение шло поперёк расчётного направления. Сая по связи приказала прекратить измерение и отходить. Риан возразил, что до завершения серии осталось всего несколько минут. Мира посмотрела на расстояние до светлой кромки и сама подтвердила приказ. Катер поднял датчик, но трос зацепился за направляющую. Рулевой не мог увеличить ход, пока прибор висел у борта. Орен предложил отпустить крепление целиком. Леон колебался: измеритель был единственным исправным в резерве. Тогда Мира перерезала удерживающую ленту запасным ножом, и датчик вместе с грузом ушёл в тёмную воду. Катер освободился и вышел из поперечного потока.

На орбитальном «Пределе», куда группа вернулась на рейсовом челноке, их встретила тишина, в которой слышно было только работу вентиляции. Риан первым сообщил о потере прибора. Он не попытался переложить решение на Миру, хотя она сама отдала приказ. Сая попросила показать не обрезанный график, а всю последовательность — от проверки датчиков до отхода. Леон вывел на экран момент, когда катер начал смещаться, и наложил на него положение двух маркеров, наблюдавшихся вчера. Одна из линий совпала с новым сносом, другая уходила в сторону. Значит, петля течения существовала, но её форма менялась. Риан предложил обозначить этот участок опасным для буксиров уже сегодня. Мира согласилась, уточнив, что они знают границу опасности только для наблюдавшегося уровня воды, а не для всего сезона.

К вечеру в куполах распространился новый снимок светлой полосы. Кто-то снял с него отметки времени и разместил рядом с объявлением о предстоящем караване. На общем канале появилось требование немедленно отправить посадочный модуль, пока «берег открыт». Сая собиралась ограничиться коротким опровержением, но Риан попросил слово. Он показал жителям два изображения одной и той же плиты, сделанные с разницей в несколько мгновений, и объяснил, почему на одном видна вода, а на другом её почти не различить. Потом рассказал о потерянном измерителе и о том, как быстро катер вынесло из рассчитанного коридора. Его голос дрогнул только тогда, когда он назвал дополнительное топливо для обхода. Он не скрыл цену осторожного решения и потому услышал вопросы, на которые люди прежде не хотели слушать ответы.

Одна женщина из «Второго круга» спросила, кто будет отвечать, если из-за обхода фильтры придут слишком поздно. Риан назвал сроки перераспределения запасов и признал, что некоторые работы придётся остановить. Мира добавила, что разрешение на посадку не ускорит доставку, если модуль провалится сквозь корку или окажется отрезан течением. Женщина ответила, что ей надоело слышать о возможных бедствиях вместо конкретной помощи. Тогда Сая предложила изменить порядок грузов: сначала доставить фильтры и уплотнения, отложив часть строительных деталей. Это означало пересмотреть договорённости между куполами. Риан тут же открыл перечень контейнеров и начал называть те, которые можно перенести без угрозы для жизненных систем. Спор о береге впервые превратился в решение о реальных вещах, а не о надежде на карту.

Поздно ночью Мира вернулась к исходным радиолокационным данным. Она хотела понять, почему автоматика снова уверенно назвала поверхность сухой именно в тот час, когда камера показывала проходящую по ней воду. Леон оставил ей записи о направлении волн и угле наблюдения. Мира разложила их по времени и увидела, что наиболее яркие отражения приходились на минуты, когда встречные потоки разглаживали поверхность над белыми плитами. Радиолокатор регистрировал отражение от поверхности воды над коркой, где менялась шероховатость мелких волн; саму подводную корку он не видел. Это объяснение ещё требовало проверки, но уже показывало слабость автоматического признака: отсутствие заметной волны не означало отсутствие воды. Она составила замечание к алгоритму и попросила навигационный отдел не использовать его вывод о суше без независимого подтверждения.

На следующее утро Сая собрала короткое совещание. Риан принёс новый маршрут каравана, Леон — временную карту с обозначенным опасным коридором, Мира — перечень измерений, которые необходимо выполнить до любой попытки посадки. На этот раз никто не спорил, является ли светлая полоса островом. Они обсуждали, какое действие допускают имеющиеся сведения. Сая подписала распоряжение: посадочный модуль остаётся на корабле; беспилотное наблюдение продолжается с безопасного расстояния; грузовой караван идёт по обходному пути с первоочередной доставкой жизненно важных материалов. Риан попросил добавить дату пересмотра решения, чтобы временный запрет не превратился в бесконечное ожидание. Сая вписала срок и перечень данных, без которых новый разговор не состоится.

Распоряжение Саи не принесло на корабль спокойствия. К утру его распечатали в трёх местах, и возле каждого листа собирались люди, которым предстояло менять собственные планы. У грузового шлюза механики снимали с платформы тяжёлые секции будущего причала. Вместо них должны были погрузить фильтры для «Второго круга», но ящики с фильтрами стояли в дальнем отсеке, под оборудованием для бурения. Риан, не успевший поспать после совещания, сидел на корточках возле открытого настила и считал крепления. Мира спросила, сколько времени займёт перестановка. Он ответил: «Если никто не потребует сначала закончить то, что обещали вчера, успеем к вечернему отходу».

Начальник грузовой смены Нестор отказался сразу трогать буровую раму. Её закрепили ещё на орбите, а новые стяжки не выдерживали повторного натяжения. Риан предложил снять раму вместе с основанием, но тогда она перекрыла бы проход к спасательным баллонам. Мира попросила показать схему и нашла свободное место возле грузового лифта. Перемещение рамы туда освобождало дальний отсек, однако требовало остановить лифт на два часа. Дежурная инженер Лада проверила опоры и заставила Риана убрать из расчёта два ящика, которые он собирался поставить поверх рамы: центр тяжести выходил за допустимую границу. Через час стало ясно, что перестановка задержит отлёт не на два часа, а на пять. Риан молча пересчитал запас воды в «Втором круге». Его хватало, но меньше, чем он обещал сестре.

Вместо того чтобы вновь требовать короткого пути через банку, Риан связался с куполом. Его сестра Ида ответила из помещения опреснения. За её спиной гудели насосы, а на стене висел график расхода воды, заполненный мелкими отметками. Он сообщил о задержке

и предложил временно сократить подачу в технические отсеки. Ида не согласилась: там промывали мембраны, и резкое прекращение подачи повредило бы старые фильтры ещё сильнее. Она попросила передать точную массу и размеры новых блоков, чтобы подготовить крепления заранее. Риан удивился, что не спросил об этом раньше. Мира видела, как он впервые за сутки перестал смотреть на срок прибытия как на единственное число, от которого зависит спасение. Ида говорила не о надежде, а о работе, которую можно начать до появления груза.

К полудню первый буксир был готов. Его капитан Веда, женщина с низким хриплым голосом, не принимала груз, пока не увидела схему размещения. Она заставила Нестора перенести запасные уплотнения ближе к выходному люку: если в куполе случится утечка, их должны выгрузить раньше тяжёлых блоков. После этого Веда потребовала изменить время отхода. На восточном обходе ожидалось встречное течение, и лишний час ожидания мог обойтись в большее количество топлива, чем немедленный выход с неполной загрузкой. Риан рассердился: разделение груза означало два рейса вместо одного. Капитан показала расчёт тяги и спросила, кому он доверит второй рейс, если первый сожжёт резерв. Спор разрешился новым порядком: срочные уплотнения и часть фильтров уходили сейчас, остальное — после перестановки рамы.

Мира провожала буксир по обзорному экрану орбитального «Предела». Он отделился от корабля, вошёл в атмосферу и после посадки на воду взял направление на восток. На общей схеме его маршрут обходил светлую полосу широким полукругом. Рядом с ней стояла красная отметка потерянного измерителя. Мира попросила оператора не убирать её, хотя прибор уже нельзя было вернуть. Она показывала место, где наблюдавшееся течение превысило расчётное. Когда изображение буксира исчезло за полосой облаков, облегчение сменилось тревогой: решение о маршруте было принято, но правильность его ещё предстояло доказать временем. Мира направилась в лабораторию не за подтверждением собственной правоты, а за сведениями, которые могли потребовать изменить путь следующего судна.

Леон встретил её необычной просьбой. Ему нужны были не новые снимки банки, а журнал давления на корпусе плавучего наблюдателя к северу от неё. На одном графике уровень воды, вычисленный по давлению, постепенно поднимался; на другом, полученном с оптического дальномера, линия почти не двигалась. Он проверил часы и не нашёл расхождения во времени. «Один прибор врёт?» — спросила Мира. Леон пожал плечами. Датчик давления мог отвечать на изменение плотности воды, а дальномер — на движение самого наблюдателя. Они посмотрели видеозапись поплавка. Тот едва заметно поворачивался, но даже после поправки графики не совпали. Мира вспомнила белую поверхность, над которой волна то исчезала, то возникала вновь, и почувствовала соблазн связать всё одним объяснением. Вместо этого она записала наблюдение и возможные причины в разные колонки.

В журнале обнаружилась ещё одна странность: у восточного края банки температура воды менялась почти одновременно с солёностью, а в открытом море тот же сдвиг происходил позже. Мира попросила исходные пробы, но лабораторный шкаф оказался почти пуст. Последние образцы ушли на проверку фильтров для куполов. Оставался небольшой сосуд с водой, взятой до опасного выхода. На его стенке за ночь образовался белёсый налёт. Он не доказывал, что такие же отложения растут на банке, зато показывал, как быстро меняется состав поднятой воды. Мира распорядилась сохранить сосуд при прежней температуре и не использовать эту пробу для окончательного расчёта плотности. Леон спросил, не слишком ли осторожно она поступает с единственным образцом. «Мы можем измерить его снова, — ответила она. — Но не можем сделать вид, что он остался таким же, как в море».

С буксира пришёл доклад. Веда сообщила, что на восточном обходе течение слабее ожидаемого, но поверхность моря покрылась длинными низкими грядами. Капитан попросила уточнить, где заканчивается зона наблюдений и начинается участок, обозначенный только по старым орбитальным данным. Леон вывел карту, на которой одинаковой линией были нарисованы измеренные и предполагаемые границы. Мира остановила передачу. Она велела заменить

сплошную черту прерывистой там, где у них не было независимых измерений, и подписать дату последнего прохода. Веда ответила коротко: «Теперь понятно, чего вы не знаете». Буксир продолжил путь. Сая, увидев исправленную схему, спросила, почему на ней стало больше пустого места. Мира показала ей прежнюю версию: «Мы не потеряли сведения. Мы перестали выдавать промежутки за измерения». Начальница попросила такую же карту для жителей куполов.

Вечером Ида подтвердила, что первый буксир должен прибыть до того, как резерв воды опустится ниже рабочего предела. Она уже подготовила место для уплотнений и распределила людей по сменам. Риан показал сообщение Нестору, который всё ещё возился с буровой рамой. Тот усмехнулся: впервые за неделю он слышал о грузе, который ждут не ради будущей стройки, а ради завтрашнего утра. Риан помог ему затянуть последнюю стяжку. Раму закрепили у лифта, освободив доступ ко второму комплекту фильтров. Никто не назвал день удачным: потерянный прибор и задержанные секции никуда не исчезли. Но вода в куполе не должна была закончиться из-за ошибки на карте, и люди, отвечавшие за доставку, наконец знали, какие действия от них требуются.

Мира задержалась у обзорного экрана лаборатории, когда искусственное освещение корабля сменилось ночным. На увеличенном орбитальном снимке виднелась светлая полоса, почти слившаяся с облачной тенью. Даже после отказа от посадки люди продолжали называть её островом. Слово было удобным: на остров можно направить судно, поставить флаг, провести границу. «Банка» звучало менее обнадёживающе и потому точнее, но и это слово требовало проверки. На столе лежали показания двух приборов, которые словно наблюдали разные моря. Мира перевернула листы чистой стороной вверх и написала три вопроса: где находится неизменная отметка, как меняется плотность воды и можно ли сравнить измерения с движущихся платформ. Леон вернулся за забытым планшетом, прочёл запись и добавил названия доступных датчиков. Два он сразу вычеркнул: их нельзя было снять с куполов без ущерба для безопасности.

Перед уходом Мира открыла последнее сообщение от Веды. Буксир прошёл первую контрольную точку, не встретив опасного сноса. Капитан приложила измерение скорости течения и пометку: «Сохраняем обход». Мира перенесла число в журнал и заметила, что оно не совпадает с расчётом Леона на этот час. Разница была небольшой, но направленной в ту же сторону, что и расхождение лабораторных графиков. Она не стала будить гидрографа ради нового предположения. Вместо этого отметила время, положение буксира и способ измерения. Утром они смогут проверить, связаны ли эти числа, или просто похожи друг на друга. Их спор о существовании суши закончился; теперь предстояло измерить саму воду. Впервые за несколько суток Мира выключила экран, не пытаясь немедленно назвать неизвестное известным.

Глава 2. Профиль прилива

На рассвете Леон нашёл Миру не в лаборатории, а у шлюза второго буксира. Там грузчики закрепляли ящики с фильтрами, и Риан лично проверял номера пломб. Первый рейс уже достиг «Второго круга»: Ида прислала изображение вскрытой упаковки и короткую запись о том, что замена началась. Леон дождался, пока Мира дочитает сообщение, и протянул ей лист с двумя кривыми. За ночь расстояние между ними увеличилось. «Если верить давлению, вода поднялась, — сказал он. — Если верить лучу дальномера, она опустилась». Риан услышал последнее слово и спросил, не означает ли это, что безопасный обход тоже построен на неверной глубине. Леон не ответил сразу. Он попросил Миру спуститься с ним на плавучую исследовательскую базу, где хранились записи положения всех приборов.

После рейса на поверхность они вошли на наблюдательный пост под обзорной палубой базы. В узком помещении гудели преобразователи, а на стене светились отдельные изображения моря, полученные с разных высот. Леон вывел журнал северного поплавка. Его корпус смещался по кругу, хотя удерживающий трос оставался натянутым. При каждом повороте оптический прибор менял угол и принимал иной участок волны за поверхность. Мира предложила

восстановить его движение по меткам на корпусе. Они попробовали, но даже после поправки кривые расходились. Леон раздражённо постучал карандашом по столу. «Тогда либо неверна плотность воды, либо мы неправильно понимаем, что измеряет дальномер». Мира попросила не выбирать между двумя ошибками, пока они не проверят третью: возможно, сам поплавок поднимался и опускался относительно среднего уровня, а не только поворачивался.

Орен принёс запись с малого беспилотника, который ночью оставался в стороне от банки. На ней поплавок то скрывался за гребнем, то возникал целиком. Движение казалось обычной качкой, пока Мира не заметила длинную паузу между двумя сериями волн. Во время паузы корпус опустился, а вода у его борта осталась почти гладкой. Леон сначала решил, что аппарат изменил плавучесть из-за расхода энергии. Орен проверил журнал: двигатель не включался, груз не сбрасывали. Внутри корпуса не было воды. Они снова просмотрели запись, теперь сопоставляя её с отметками давления. На спокойном участке давление росло. «Нельзя считать каждую неподвижную на вид минуту отсутствием движения», — сказал Леон. Мира попросила оставить запись целой, без вырезанных кадров: им предстояло выяснить, что именно происходило под гладкой поверхностью.

Для проверки требовались два независимых наблюдения в одной системе координат. Орбитальный аппарат мог определять положение поплавка, но проходил над банкой лишь короткими сериями. Мира предложила использовать отражатель на мачте грузового судна, которое ожидало отправки, и второй отражатель на дальнем буе. Риан сразу возразил: судно не может оставаться на месте ради опыта, когда его ждут в куполе. Тогда Леон предложил прикрепить отражатель к пустой платформе для грузовых контейнеров. Нестор выслушал просьбу и показал, что платформа имеет собственный запас плавучести, но плохо держит направление при боковом течении. «Поставите её рядом с банкой — потеряете ещё одну вещь», — предупредил он. Мира согласилась испытать её сначала в защищённом коридоре, где глубины были известны по прошлым проходам.

Подготовка заняла почти всё утро. Лада установила на платформе три светлые метки разной высоты, чтобы по изображению можно было отличить её наклон от вертикального движения. Леон закрепил датчик давления на жёсткой штанге, а Орен вывел независимую запись температуры и электропроводности воды. Мира настояла, чтобы каждый прибор начал работу по собственным часам, а затем все часы сверили одним сигналом. В прошлый раз разница в несколько мгновений едва не превратила проходящую волну в доказательство сухого берега. На этот раз она не хотела спорить о событиях, которые произошли не одновременно. Когда платформу спустили, она неожиданно повернулась к течению узкой стороной. Нестор указал на это как на причину, по которой её нельзя использовать вместо настоящего навигационного буя. Мира записала замечание рядом с данными, а не в конце отчёта.

Первые измерения показались почти скучными. В защищённом коридоре поправка на наклон платформы сблизила показания дальномера и датчика давления. Леон улыбнулся впервые за утро. Он уже собирался объявить, что нашёл источник расхождения, когда Орен показал запись электропроводности. За короткое время она изменилась сильнее, чем ожидали для однородной воды. Температура при этом оставалась почти постоянной. Мира попросила проверить, не касается ли датчик корпуса. Орен поднял штангу на несколько сантиметров; показание изменилось ещё раз. Он опустил её обратно, и прежнее значение вернулось не сразу. Леон перестал улыбаться. Если вода менялась с глубиной на таком малом расстоянии, расчёт давления по одной постоянной плотности мог давать систематическую ошибку даже там, где приборы были исправны.

Риан пришёл за разрешением снять платформу: Нестору требовалось освободить подъёмник для второго рейса. Мира попросила ещё четверть часа, чтобы повторить измерение при другом положении штанги. Риан посмотрел на часы и отказал. Он напомнил, что вчера они обещали не отнимать у доставки время ради неопределённого результата. Леон вспыхнул: «А

если завтра глубина на карте окажется ложной, сколько времени потеряет ваш буксир?» Мира остановила спор. Она предложила поднять платформу сейчас, а оставшиеся измерения перенести на наблюдатель, который уже находился в море. Это ухудшало точность сравнения, зато не задерживало груз. Риан согласился и сам помог Нестору освободить подъёмник. Леон молча снял датчик; позднее он признал, что хотел выиграть спор быстрее, чем получить хорошие данные.

Когда платформу вытащили, на нижней части штанги обнаружили тонкую полоску светлого осадка. Орен попытался стереть её пальцем, но Мира остановила его и попросила сначала сделать снимок с масштабной меткой. Полоска была неравномерной: на стороне, обращённой к течению, она тянулась выше. Мира не знала, выпала ли соль из воды за время опыта или штанга коснулась старого отложения при спуске. Они упаковали штангу, не очищая, и записали условия хранения. Лада спросила, зачем так тщательно беречь грязь, если лаборатория и без того завалена образцами. «Потому что мы не умеем отличать след опыта от того, что было здесь до нас», — ответила Мира. Её раздражало собственное объяснение: оно звучало слишком широко для полоски на металле. Но другого, более точного, у неё пока не было.

После обеда Леон принёс старую гидрографическую карту. Он нашёл её в комплекте исходных материалов для посадочного модуля, среди схем, которые никто не открывал с момента прибытия корабля. На полях стояли даты измерений и отметки температуры. Мира заметила, что почти все промеры сделаны в одном коротком сезонном окне, когда океан был холоднее. Подпись под картой обещала среднюю глубину, но не указывала разброс наблюдений. Леон объяснил, что прежняя экспедиция пользовалась плотностью воды, измеренной в открытом море. Вблизи банки этот выбор мог быть неверным. Мира провела пальцем вдоль светлой полосы и увидела несколько мест, где данные о глубине просто продолжали линию между двумя далёкими точками. Они не стали перечёркивать карту. Леон предложил пометить её как исторический слой, пригодный для сравнения, но не для самостоятельной навигации.

К вечеру с восточного обхода пришёл новый журнал Веды. Капитан сообщила, что прошла второй контрольный участок, но просила не сокращать обозначенную дистанцию до банки. На её судне один из датчиков глубины несколько раз показывал резкие скачки, хотя курс и скорость оставались ровными. Леон предположил помеху от слоя воды с другой плотностью. Мира попросила капитана сохранить исходные звуковые записи прибора и указать, когда именно менялась скорость течения. Веда ответила, что не станет проводить опыт на загруженном судне, но может передать то, что уже записано. «Этого достаточно, — сказала Мира. — Не меняйте ради нас путь». В ответ пришла короткая отметка о принятии. За стеклом лаборатории темнел океан, и светлая банка почти исчезла, хотя приборы продолжали спорить о её высоте.

Ночью Мира и Леон разложили на большом столе три карты: старую сезонную, новую навигационную с прерывистыми границами и схему сегодняшних измерений. Там, где карты совпадали, они поставили небольшие знаки. Там, где расходились, оставили место для новых данных. Леон хотел назвать причиной всех ошибок плотностный слой, но Мира возразила: он объяснял часть давления, однако не объяснял, почему радиолокационный отклик менялся с задержкой относительно видимой воды. Они решили начать следующий выход не с поисков берега, а с последовательных измерений на нескольких глубинах, причём каждую серию сопровождать отметкой времени, температуры и положения прибора. Мира написала порядок действий на отдельном листе. Внизу оставила пустое поле для отказа от опыта, если течение снова выйдет за безопасный предел.

Утром наблюдатель вышел из тени корабля раньше, чем на его борту успели разогреть завтрак. Он был невелик, с низкой рабочей палубой и широкой кормой, рассчитанной на спуск измерительных рам. Мира стояла у открытого люка, придерживая свёрнутый лист с порядком опыта. Вчера вечером ей казалось, что достаточно будет опустить прибор на несколько глубин

и сравнить цифры. Теперь, глядя на полосы воды, которые двигались навстречу друг другу и не смешивались даже у борта, она понимала, как много решений скрывается за словом «опустить». Леон уже проверял лебёдку. Орен укладывал кабель так, чтобы ни одна петля не попала под ноги. Лада принесла герметичные сосуды для контрольных проб и неожиданно спросила, кого они назначили человеком, имеющим право прекратить работу. «Любого, кто первым увидит опасность», — ответила Мира. Лада покачала головой: «Тогда каждый будет ждать, пока увидит другой». Они вписали в журнал её имя и отдельно — право остальных потребовать остановки без объяснений.

До банки оставалось достаточно далеко, чтобы её светлый край различался только в промежутках между гребнями. Наблюдатель удерживал место двумя разнесёнными двигателями, но даже здесь течение тянуло судно вбок. Леон предложил начать с воды под самой кормой, где глубину прежде проверяли механическим грузом. Мира согласилась при условии, что груз повторно опустят до дна и не станут считать вчерашнее число неизменным. Нестор, пришедший помогать с лебёдкой, ворчал, что геохимики заставят его измерить океан до последней капли. Но он сам вытер соляной налёт с направляющего ролика и проверил тормоз, прежде чем дать знак. Груз коснулся грунта заметно позже, чем ожидал Леон. «Или дно ушло, или мы не там стоим», — сказал Нестор. Леон показал на экран положения: за время спуска судно сместилось на несколько метров. Это была первая запись дня, и она не позволяла сделать ни одного вывода о приливе.

Они вернулись к исходной точке и развернули нос против течения. Для второго промера Нестор использовал груз с отметками на тросе, а Орен снимал положение судна через короткие равные промежутки. На этот раз касание подтвердилось двумя способами: ослаблением натяжения и коротким облачком мути на изображении подводной камеры. Леон назвал глубину, но Мира попросила не заносить её как число без погрешности. Трос отклонялся от вертикали; течение изгибало его дугой, и длина вытравленного конца не была равна расстоянию до грунта. Нестор подержал мокрый трос между пальцами, посмотрел на угол и неожиданно поддержал её: «У меня в мастерской так же. Если мерить кривую трубу по наружному краю, она всегда выходит длиннее». Он предложил поставить на груз маленький указатель наклона. Мира записала предложение рядом с фамилией механика, чтобы потом никто не приписал его прибору.

К полудню подготовили вертикальный профиль. Датчики давления, температуры и электропроводности были закреплены на одной раме, но каждый имел собственную память. Перед спуском Лада опустила их в два контрольных раствора с известным составом. Один прибор отвечал медленнее остальных. Орен хотел подождать, пока показания сравняются, и объявить проверку успешной. Мира попросила поднять датчик и осмотреть его. В защитной сетке обнаружилась крупинка светлого осадка. Её удалили, не касаясь чувствительной поверхности, и повторили испытание. Запаздывание уменьшилось, но не исчезло совсем. Леон предложил заменить прибор запасным. Запасной находился на судне Веды, уже далеко на обходном пути. «Тогда у нас будет не идеальная линия, а линия с известной задержкой», — решила Мира. Она потребовала, чтобы в журнале рядом с каждым измерением отмечали время ожидания устойчивого значения.

Раму опускали медленно, задерживая на каждом уровне. На первых метрах температура почти не менялась. Зато электропроводность росла не плавно, а ступенями: два близких положения давали разные показания, будто датчик проходил через невидимую перегородку. Леон велел остановить лебёдку и повторить проход снизу вверх. Разница сохранилась, хотя граница оказалась немного выше. Мира заметила, что течение уводит кабель к правому борту; датчик, поднятый на метр, не обязательно возвращался в тот же столб воды. Они добавили к раме маленький акустический отражатель и начали следить за её горизонтальным положением. После поправки ступень стала уже, но не исчезла. «Значит, дело не только в кабеле», — сказал

Леон. Он произнёс это почти с удовольствием, а Мира почувствовала, как тревожно бывает услышать убедительное наблюдение там, где хочется простой ошибки.

На глубине, где вода резко меняла состав, камера показала странную пелену. Это не была муть: крупные частицы не кружились перед объективом, а тонкие светлые нити медленно вытягивались вдоль течения. Орен увеличил изображение и назвал их кристаллами. Лада возразила, что кристаллы обычно не изгибаются так плавно. Мира не позволила спору превратиться в название неизвестного. Она попросила взять воду выше и ниже слоя, не проводя сосудом через всю толщу. Для этого пришлось переставить пробоотборники и снова проверить глубины. Лада работала молча, сосредоточенно, с таким видом, словно от чистоты двух небольших сосудов зависело не исследование, а чья-то жизнь. В некотором смысле так и было: по этим данным позднее могли выбрать путь для тяжёлой платформы.

Первый сосуд закрылся исправно. Второй не ответил на команду. Нестор потянулся к ручному управлению, но Мира остановила его: в журнале уже была записана одна неудачная попытка, а повторное срабатывание могло смешать воду с разных уровней. Орен проверил питание и обнаружил, что ток к замку проходит. Лада предположила, что механизм зажат осадком. «Поднимем, разберём и узнаем», — сказала она. Леон возразил, что слой сместится, прежде чем они успеют вернуться. В этот момент корпус наблюдателя дрогнул от бокового толчка. На экране положение рамы резко ушло к корме, а натяжение кабеля выросло. Нестор не стал ждать решения учёных. Он включил тормоз и крикнул, чтобы все отошли от лебёдки. Мира услышала собственный голос, повторяющий команду прекратить опыт. Лада внесла время остановки в журнал, прежде чем помочь убрать инструмент.

Поднимать раму пришлось с короткими паузами. Течение на одной глубине тянуло её в сторону, на другой отпускало, и кабель то натягивался струной, то провисал. Нестор удерживал скорость ниже обычной, хотя за спиной уже собирались люди, которым нужна была рабочая палуба. Когда металлическая рама показалась из воды, на одной из перекладин висела прозрачная слизистая нить. Она порвалась от собственного веса и исчезла в кильватерной пене. Лада успела снять лишь несколько изображений. Мира хотела сохранить остаток на перекладине, но он растворился прежде, чем она принесла сосуд. «Вы видели?» — спросил Орен. «Видела, что вещество не удержалось на воздухе», — ответила она. «Не то, из чего оно состояло». Он отвернулся с досадой. Мира знала это чувство: открытия часто сначала выглядят как потеря того, что можно было бы доказать.

Пока раму закрепляли, Леон сопоставил измерения с акустическими записями наблюдателя. На экране появилась яркая линия, почти горизонтальная, хотя механический груз проходил через неё и продолжал опускаться. Отражение от границы водных слоёв прибор раньше принимал за дно. Леон увеличил участок, где линия раздваивалась. Одна ветвь оставалась на прежней глубине, другая уходила вниз вместе с истинным откликом от грунта. «Вот почему Веда видела скачки», — сказал он и тут же осёкся. Мира посмотрела на него. «Это объясняет похожие скачки здесь. На её судне был другой прибор и другое место». Леон поморщился, но переписал подпись под изображением. Он не привык, чтобы удачную догадку так быстро ограничивали. Однако через несколько минут сам попросил Орена сохранить необработанную запись: после сглаживания две линии снова сливались в одну.

Лада открыла первый сосуд в герметичном боксе. Вода оказалась прозрачной, но на стенке быстро появился тонкий белёсый ободок. Мира попросила записать температуру сосуда до того, как он нагреется до комнатной. Затем они сравнили массу равных объёмов воды из верхнего слоя и контрольного раствора. Разница была небольшой, но устойчивой при повторении. Лада показала таблицу и сказала, что теперь они хотя бы знают направление ошибки в расчёте давления. Мира согласилась лишь наполовину. Плотность зависела не только от электропроводности: неизвестные растворённые вещества могли менять соотношение между ними. Для навигационной поправки требовалась калибровка на реальных пробах, а для неё одного

исправного сосуда было мало. Второй всё ещё стоял на раме, закрытый не до конца, и никто не мог поручиться, откуда именно в него попала вода.

Когда пришёл сеанс связи с кораблём, Риан потребовал конкретного ответа. Второй буксир уже вышел к контрольной точке, а после него собирались отправить плавучую секцию для расширения купола. «Мне не нужен трактат о слоях, — сказал он. — Мне нужно знать, насколько близко мы можем провести груз». Леон начал объяснять, что старые отметки глубин завышены, но Мира перебила его. Завышение было вероятно не везде; на некоторых участках неверный расчёт мог дать противоположный знак. Она вывела на экран две полосы: измеренный коридор и соседнюю область, где имелись лишь прежние промеры. «По первому маршруту мы можем дать предел ошибки. По второму — пока нет». Риан долго смотрел на пустой промежуток между полосами. Потом спросил, сколько топлива съест обход. Нестор, услышавший разговор с палубы, назвал число. Оно было неприятным, но меньше стоимости одной потерянной грузовой секции.

Риан не сразу согласился. В «Третьем круге» люди жили в тесноте, и дополнительная секция означала не роскошь, а возможность отделить больных от общего жилого помещения. Мира знала это из отчётов Иды, но никогда не видела, как за одну свободную комнату спорят семьи. Риан включил короткую запись из купола: двое техников переносили складные койки, чтобы открыть проход к фильтрам. «Каждый лишний час в море там превращается в чужую бессонную ночь», — сказал он. Мира не стала повторять, что риск велик. Вместо этого предложила разделить решение: буксир с расходными материалами идёт уже проверенным обходом, а пустую плавучую секцию можно подготовить к отправке, пока гидрографы уточняют узкий безопасный проход. Риан ответил, что подготовка займёт день. «Тогда у нас есть день для честного измерения, а не для обещания», — сказала она.

После связи Леон долго стоял у карты, не притрагиваясь к ней. Мира подошла, думая, что он обижен её поправками. Он показал ей старую линию глубин и спросил, почему прежняя экспедиция не заметила второго отражения. Ответ нашёлся в журнале обработки: программа автоматически выбирала самый сильный возвратный сигнал, а более слабые удаляла как шум. В холодный сезон граница слоёв была ниже и слабее, поэтому ошибка проявлялась редко. Теперь граница поднялась, а отражение усилилось. «Значит, карта не лгала тогда, — сказал Леон. — Она перестала отвечать на нынешний вопрос». Мира поправила его: часть прежних точек и тогда была вычислена между промерами. Леон кивнул и на отдельном листе написал два разных замечания — об изменении океана и о старой недостаточной проверке. Ему было важно не свалить всё на природу, если люди тоже допустили упрощение.

К вечеру течение ослабло, но возвращаться к банке никто не предложил. Лада разобрала отказавший пробоотборник. В замке обнаружилась крупинка твёрдого вещества, а на внутренней поверхности — тонкая скользкая плёнка. Мира рассматривала её под увеличением, не касаясь инструментом. По одному виду нельзя было определить, выросла ли плёнка в воде или образовалась уже на приборе. Лада приготовила чистую контрольную рамку и предложила опустить её в следующий раз рядом с рабочим сосудом. Тогда у них появится сравнение между поверхностью, которая была в воде недолго, и поверхностью, оставленной на более длительный срок. Мира одобрила опыт, но попросила не ставить рамку там, где она может задеть дно. Исследование корки, если она действительно существует, не должно начинаться с её случайного разрушения.

В ночной сводке они не указали единой «правильной глубины» для банки. Вместо неё появились измеренные пределы, направление течения и участки, где акустический прибор мог принять водную границу за грунт. Риан прочёл сводку дважды и попросил сделать для капитанов короткую версию. Леон хотел убрать из неё предупреждения, чтобы не перегружать экран. Мира настояла оставить главное: не сближаться с банкой по старой карте и не доверять одному отражённому сигналу. Они спорили над формулировкой, пока Нестор не предложил простую:

«Если прибор показывает дно, это ещё не значит, что оно там». Фраза казалась слишком разговорной для навигационного распоряжения, но её смысл никто не оспорил. В итоге её поместили в пояснение рядом со схемой двух возможных отражений.

Перед сном Мира вышла на пустую палубу. Наблюдатель возвращался к кораблю, оставляя за кормой длинную тёмную полосу. Далеко впереди мерцали огни жилых куполов; по другую сторону горизонта лежала банка, которую колонисты уже успели мысленно превратить в будущую улицу. Сегодня они получили не землю, а новую границу незнания, и эта граница обошлась им в топливо, время и испорченный сосуд. Мира вспомнила, как Лада требовала назначить ответственного за остановку опыта. В журнале рядом с её именем стояли две записи: начало спуска и приказ поднять раму. Между ними было меньше часа. Но именно за этот час они узнали, что разные приборы могут одинаково уверенно показывать разные вещи. Утром предстояло проверить, где кончается водный слой и начинается поверхность, способная выдержать хотя бы собственный вес. Пока же Мира оставила на карте белое место белым.

Утро принесло не обещанную ясность, а новую помеху. На неподвижном наблюдательном буе, стоявшем восточнее банки, датчик электропроводности за ночь записал три резких перехода. Они произошли почти одновременно с изменениями направления подводного течения, но температура оставалась ровной. Леон предположил, что граница плотных вод качается, как натянутое полотно. Мира попросила его нарисовать не красивую волну, а возможные положения границы с учётом ошибок каждого прибора. Получилось широкое заштрихованное поле. «В таком случае наша вчерашняя глубина верна только для вчерашнего часа», — сказал Орен. «И для того места, где стояла рама», — добавила Лада. Они решили установить второй датчик на иной глубине и сравнить оба ряда, не приближаясь к опасной полосе. Мира сама вычеркнула из плана третью точку: ради неё пришлось бы перенести буй в неосмотренный коридор.

Нестор принёс на стол небольшой металлический груз, изготовленный ночью из обрезка опорной балки. На его корпусе были два независимых механических указателя: один показывал угол отклонения, другой — натяжение троса. «Не сделает океан проще, — сказал он, — зато покажет, когда наша линейка стала кривой». Мира поблагодарила его, и он смутился, будто ожидал очередного требования переделать устройство. При испытании в грузовом бассейне выяснилось, что указатель запаздывает при резком рывке. Нестор хотел тут же подточить ось, но Лада настояла сначала записать недостаток. После доработки груз стал реагировать быстрее, однако они всё равно оставили первоначальную запись в журнале. Леон заметил, что раньше такие мелочи скрывались в примечаниях к готовой карте. Теперь именно из них складывалась карта, которой можно было доверить людей.

Когда пришли новые данные с восточного буя, Мира увидела то, чего не было на вчерашних кривых. Верхний слой двигался к югу, а ниже течение уже разворачивалось на север. Между ними проходила узкая область, где датчики то показывали смешение, то снова различали две воды. На экране глубиномера в эти минуты возникала вторая линия, слабая и подвижная. Леон сопоставил времена и осторожно произнёс: «Похоже, отражение появляется вместе с границей». Мира согласилась записать связь, но не причину: акустические свойства воды менялись сразу по нескольким причинам. Они передали капитанам обновлённое предупреждение и попросили сохранять исходные записи эхолотов до конца рейса. В ответ Веда сообщила, что второй буксир прошёл опасный участок по обходу без отклонений. Сначала Мира испытала облегчение, а потом поняла, что это лишь одна безопасная дорога, а не доказательство безопасности всего моря.

В конце смены Риан пришёл в лабораторию без вызова. Он принёс план отправки плавучей секции и положил его рядом с картой неопределённости. «Я могу ждать ещё сутки, — сказал он. — Но завтра совет спросит, зачем нам берег, если мы даже не знаем, можно ли к нему подойти». Мира не стала спорить со словом «берег». Она показала ему измеренную полосу безопасного прохода и область, где отражённый сигнал мог означать лишь границу двух вод.

«Завтра мы не обещаем сушу, — сказала она. — Мы проверяем, выдерживает ли хотя бы одна точка нагрузку прибора, не повредив то, что лежит под ним». Риан посмотрел на перечёркнутую точку в плане и спросил, почему они не возьмут пробу прямо с края. «Потому что сперва надо узнать, есть ли у этого края низ», — ответила Мира. Он не улыбнулся, но забрал карту с собой, оставив на столе расписание буксиров.

Ночь принесла не шторм, а вязкую тишину. В кают-компании наблюдателя качались ремни незакреплённого стула, хотя сама палуба почти не двигалась. Мира ждала ответа с корабля о новой калибровке и разглядывала фотографию двух пробирок. В первой вода после охлаждения оставила на стенке едва заметный осадок. Во второй, взятой из другого слоя, белёсый след расползся неровным кольцом. На снимке разница была красивой и обманчивой: сосуды стояли при разной температуре, а о времени выдержки под крышкой никто ещё не спрашивал.

Лада вошла с журналом, в котором несколько страниц оказались перечёркнуты одной ровной чертой.

— Я остановила серию, — сказала она прежде, чем Мира успела прочесть цифры. — Контрольный сосуд перестал быть контрольным. Его принесли из холодного отсека, но оставили возле нагревателя на двадцать минут. Мы не можем сравнивать выпадение осадка в двух условиях, если случайно меняли оба.

— Кто принёс?

— Я. Не услышала, что Орен уже освободил холодный шкаф. Решила, что прибору нужен стол поближе к рабочему месту.

Мира ожидала оправданий. Лада вместо них положила рядом новый план: три одинаковых сосуда, две температуры, запись времени при каждом переносе. Старую серию она не выбросила, а отметила как непригодную для прямого сравнения. Мира подписала продолжение опыта и спросила, хватит ли энергии на удержание температуры до утра. Лада кивнула, но предупредила, что для этого придётся отключить один из запасных светильников в лабораторном коридоре. Мира отказалась: аварийное освещение было связано с выходом к шлюзу. Они выбрали меньший объём пробы, чтобы не занимать второй термоблок.

На палубе Леон проверял датчик глубины по грузу, который опускали на известную длину троса. Прибор показывал почти ту же величину в чистой воде, но над пограничным слоем давал устойчивое смещение. Леон нанес разницу на прозрачную пластину и приложил к старой навигационной карте. Светлая банка будто меняла форму в зависимости от того, какой поправкой пользовались. В некоторых местах истинное дно оставалось ниже ложного отражающего горизонта, в других направление отклонения ещё не было установлено.

— Вот что опасно, — сказал Леон, когда Мира подошла. — Мы не просто ошибались с высотой воды. На старых маршрутах иногда мерили отражение от слоя, а не грунт. То есть вся глубина могла быть нарисована выше настоящей.

— Или в другом месте ошибка будет в обратную сторону, — ответила Мира. — Ты проверял это только здесь.

Леон убрал прозрачную пластину. Он сам уже собирался произнести оговорку, но теперь от чужих слов она показалась ему обвинением. Мира это заметила и не стала повторять. Вместо этого попросила показать участок, где механический груз опускался через отражающую границу. На двух записях положение границы менялось при одном и том же уровне воды. Это позволяло отделить эффект от самого прилива, если они правильно учитывали движение судна.

Орен принёс распечатку навигационного положения наблюдателя. Один из опорных маяков в эту ночь работал с перебоями, и бортовая система несколько раз перестраивала расчёт по оставшимся. В обычном рейсе такое уточнение прошло бы незаметно, но теперь оно могло объяснить небольшую часть расхождения между временем и местом наблюдения. Леон отметил интервалы, когда положение определялось по неполному набору источников. Мира пред-

ложила не исключать их механически: сначала надо посмотреть, насколько велико изменение и совпадает ли оно с обнаруженными скачками глубиномера.

Из корабля поступил вызов Риана. Он стоял в тесной диспетчерской возле карты движения буксиров. Сзади кто-то громко спорил о распределении запасных фильтров. Риан спросил, могут ли они утром отправить малый аппарат к краю банки. На совете колонистов решили, что если прибор найдёт твёрдую площадку, можно будет сократить срок ожидания плавучего причала. Люди устали жить в условиях, когда почти вся суша существует лишь на старых картах.

— Малый аппарат — возможно, — сказала Мира. — Посадочная платформа — нет. Мы ещё не проверили несущую способность корки и не знаем, что под ней. Прибор должен сначала пройти по воде и провести зондирование без опоры на поверхность.

Риан спросил, сколько времени потребуется. Он уже не говорил «ответ к утру»; вместо этого назвал часы, которые совет оставил до следующего обсуждения маршрута. Мира открыла график прилива. Ближайшее спокойное окно приходилось на время, когда судно могло удерживать положение за счёт малой тяги. Но часть датчиков ещё проходила калибровку, а второй наблюдатель требовался возле куполов для проверки фильтров. Мира предложила отправить один лёгкий беспилотный аппарат, сохранив резервный на борту и отказавшись от забора грунта до оценки рисков.

— Если вы увидите твёрдое место, совет немедленно захочет поставить туда людей, — сказал Риан.

— Тогда передайте совету полную задачу, — ответила Мира. — Мы проверяем, есть ли там корка и как она меняется. Не объявляем готовую площадку. Если заключение прочтут как разрешение на посадку, оно будет ложным ещё до первого измерения.

Риан не сразу согласился. Он устало провёл ладонью по лицу и признался, что в «Третьем круге» снова отказал клапан в санитарном отсеке. Люди спят по очереди, потому что в изолированном помещении невозможно удерживать нужный воздух. Ему хотелось показать им хотя бы небольшой участок настоящего берега. Мира знала цену такого желания. Но камень, оказавшийся тонкой коркой над водой, не сможет принять нуждающихся людей, как бы сильно те ни ждали его появления.

— Отправьте мне данные об отсеке, — сказала она. — Если нужна помощь с фильтрами, мы сможем предложить другое решение. А этот участок проверим отдельно. Я не хочу, чтобы вы ставили больных людей на поверхность, которая может исчезнуть с первым изменением течения.

Когда связь завершилась, Леон спросил, не слишком ли она резко ответила. Мира посмотрела на карту банки, вокруг которой уже выросло множество планов. Она не хотела быть человеком, запрещающим другим надежду. Но надежда на берег постепенно превращалась в распоряжения о перевозке людей, распределении груза и отказе от существующих куполов. Каждое из этих распоряжений требовало более прочного основания, чем светлая линия на радаре.

Утром Орен испытал малый аппарат в защищённой бухте у корпуса судна. Его привод работал тихо, измерительная рама опускалась без рывка, а аварийное всплытие срабатывало по независимой команде. Лада установила на него датчик электропроводности и маленькую камеру, защищённую от осадка. Леон хотел добавить тяжёлый грунтовый щуп, но Мира отказала: задача первого выхода состояла не в том, чтобы пробить поверхность и взять образец, а в том, чтобы увидеть структуру и оценить, выдержит ли корка даже сам щуп.

— Чем меньше мы на него положим, тем меньше узнаем о прочности, — возразил Леон.

— Для начала нам важно узнать, существует ли однородная корка, — сказала Мира. — Если она ломается от собственного изменения прилива, тяжёлый щуп нам не понадобится. Если остаётся целой, будем готовить следующий опыт с отдельной оценкой риска.

Леон вздохнул, но согласился убрать груз. Аппарат стал легче и заметно изменил плавучесть. Орен перенастроил баланс, затем повторил проверку аварийного всплытия. Они не торопились отправлять его ради соблюдения первоначального расписания: именно после снятия щупа изменились условия, которые надо было подтвердить заново.

В это время с «Второго круга» пришло сообщение от Иды. Новые фильтры установили в двух отсеках, но третий ещё требовал очистки магистрали. По соседнему жилому модулю сохранялись ограничения на сбор людей. Ида поблагодарила за доставку и сообщила, что не собирается использовать технику наблюдателя как замену системам жизнеобеспечения. Мира передала Риану её запись. Это был маленький, но проверенный результат: необходимость срочной высадки не исчезла, зато число людей, для которых она была жизненно важной, стало меньше.

К полудню они получили повторные пробы воды. При одинаковой температуре различие в осадке между верхним и нижним слоем сохранилось. Оно зависело от солевого состава, но не объясняло всех скачков отражённого сигнала. Мира отметила в таблице три независимых результата: механический груз проходил через яркую линию глубиномера; разница плотности соответствовала части смещения; отражение менялось со временем не в точном ритме прилива. Это ещё не давало ответа о твёрдом береге, но уже показывало, почему прежняя сезонная карта могла вводить в заблуждение.

Орен принёс окончательный список допуска аппарата. В нём стояли подписи механика, гидрографа и ответственного за безопасность. Лада добавила условие не брать пробу из неизвестного слоя при отсутствии герметичного контейнера. Мира посмотрела на каждую строку и вспомнила пустые места в первом распоряжении о посадке. Тогда люди собирались отправить тяжёлую платформу, не договорившись даже о том, какой сигнал считать доказательством суши. Теперь небольшой аппарат получил право приблизиться к банке только после того, как они назвали условия остановки.

Когда наблюдатель вышел на спокойную воду, вдали показался бледный участок, который при другом освещении выглядел бы островом. Леон стоял у пульта и следил, как лёгкий аппарат отходит от борта. Он не обещал увидеть дно. Мира записала время и отметила на карте путь, по которому устройство могло вернуться, если связь оборвётся. В их задаче не было слова «высадка». Оно осталось на другой странице — рядом с надеждами колонистов и списком людей, которым ещё предстояло помочь. Сегодня они отправили к неизвестной поверхности только прибор и собственное право остановить опыт, если очередное красивое отражение окажется менее прочным, чем они ожидали.

Глава 3. Твёрдое под ногами

На первых сотнях метров малый аппарат шёл ровно. Его корпус едва заметно покачивался на короткой волне, а тонкий кабель связи вытягивался за кормой наблюдателя, не касаясь движущихся частей. Мира следила за изображением нижней камеры. В воде мелькали светлые хлопья, которые издали могли показаться песком, но стоило изменить угол освещения, и они исчезали. Леон попросил уменьшить скорость. Прибор двигался вдоль границы, которую на старых картах уже успели назвать береговой чертой, хотя под ним оставалось несколько метров воды.

— Если смотреть только на верхнюю камеру, кажется, что там суша, — сказал Орен.

Он разделил экран. Слева лежало широкое белёсое поле с тёмными прожилками. Справа камера, направленная вниз, показывала мутную толщу воды и редкие светлые пластинки, медленно оседавшие под корпусом. Два изображения принадлежали одному месту. Различались лишь направление взгляда и глубина, на которую могли проникнуть лучи освещения. Мира отметила это в журнале. Когда-нибудь люди будут рассматривать красивый снимок сверху и считать доказательством то, что здесь они пока не могли даже потрогать.

Внезапно под аппаратом возникла почти ровная поверхность. Она тянулась несколькими полосами, разделёнными тёмными швами. У одной полосы край был поднят, как тонкая пластинка засохшей глины. Орен вывел изображение крупнее, но не стал включать дополнительный свет: рядом с камерой находился датчик, для которого нагрев корпуса мог изменить показания. Лада попросила сохранить обычную яркость и не увеличивать контраст до окончания первичного просмотра.

— Похоже на корку, — произнёс Леон.

— На изображении похоже, — ответила Мира. — Дальше смотрим, как она связана с дном.

Аппарат остановился на безопасном расстоянии. Короткий акустический импульс эхолота отразился от светлого слоя; слабое второе эхо пришло от более глубокой границы. Прибор не позволял пока определить, что именно лежит между ними. Мира указала на него Леону. Он проверил, не является ли второе отражение повторением первого из-за особенностей прибора. Для этого Орен немного изменил высоту аппарата. Верхняя линия сдвинулась предсказуемо, нижняя отреагировала иначе. Сами по себе два сигнала ещё не объясняли строение банки, но показывали, что белёсое поле нельзя без проверки принять за массивную каменную плиту.

По связи пришёл Риан. На корабле начиналось заседание совета, и он хотел получить хотя бы одно предложение, понятное людям, которые третий месяц ждали места за пределами плавучих куполов.

— Вы видите землю? — спросил он.

Мира посмотрела на нижний экран.

— Мы видим поверхность над мелководьем. Она отражает луч и местами выглядит твёрдой. О том, выдержит ли она нагрузку, сейчас ничего сказать нельзя.

— Но аппарат уже над ней?

— Над её краем. И он всё ещё держится на собственной плавучести, а не опирается на неё.

В трубке послышался шум. Риан прикрыл микрофон и что-то сказал людям рядом. Вернувшись, он попросил разрешить совету хотя бы назвать участок предварительной площадкой для исследований. Мира не возражала против слова «исследований», но попросила добавить, что высадка не разрешена и даже лёгкий зонд ещё не испытывал опору. Риан пообещал передать формулировку без сокращений.

Когда связь прервалась, Леон спросил, почему она придирается к словам на расстоянии многих километров. Мира открыла старую схему посадки. На ней уже было обозначено место будущего причала, хотя координаты взяли по сезонной карте. Если совет примет новое обозначение без ограничений, люди начнут распределять материалы, переселения и обязанность охранять берег, которого, возможно, не существует. Тогда любой последующий отказ от посадки окажется в их глазах не обычным техническим решением, а утратой обещанного дома.

Орен вывел аппарат к светлому языку. Там поверхность была неоднородной: одни участки напоминали тонкую кору, другие просвечивали на фоне более тёмной воды. Он предложил опустить маленькую мягкую измерительную опору, но Лада возразила. На опоре после испытаний в бухте оставался след смазки. Если под коркой есть живая система, перенос даже малого количества чужого вещества изменит пробу, которую они потом захотят исследовать. Орен остановил механизм и попросил показать, можно ли поставить чистую сменную пластину. Запасная лежала в герметичной упаковке, но для её установки аппарат пришлось бы вернуть на борт.

— Мы потеряем окно спокойного течения, — заметил Леон.

— И получим данные, о которых не сможем сказать, что они чистые, — ответила Лада.

Мира приняла решение отойти на несколько метров и продолжить бесконтактную съёмку. Контактный опыт перенесли на следующий безопасный выход. Орен недовольно сжал

губы, но выполнил команду. Они не спорили о том, стоит ли изучать корку. Спорили о порядке, который позволит отличить её собственные свойства от следов их прибора.

В этот момент поверхность под камерой начала меняться без участия людей. Светлая пластина, ещё минуту назад лежавшая ровно, медленно поднялась по одному краю. В тёмном шве появился поток пузырьков. Пластина надломилась, и её тонкий угол ушёл под воду. Орен отодвинул аппарат, чтобы обломок не попал в винт. Леон попросил сохранить весь видеоряд до и после события без ускорения. Лада записала температуру и направление течения по отдельным датчикам.

Разлом проходил там, где на верхней камере поверхность выглядела самой светлой. Мира чувствовала, как по спине идёт холод: она только что видела исчезновение фрагмента предполагаемой суши без тяжёлой нагрузки. Причина могла быть в подводном течении, в газе под коркой или в её собственном росте и разрушении. Нельзя было выбрать одно объяснение по одному эпизоду. Зато уже можно было отвергнуть образ устойчивой площадки, который так легко возникал на общей фотографии.

— Передай Риану запись, — сказала она Орену. — Не короткий фрагмент, где корка ломается эффектнее всего. Полный ряд с временем и параметрами наблюдения. Пусть совет увидит, что происходило до разлома и после него.

Орен подготовил архив. Связь с кораблём позволяла отправить только часть большого файла за один сеанс, и он предложил начать с уменьшенной копии. Мира согласилась при условии, что в подписи будет ясно указано: это просмотр, а не первичные данные. Оригинал сохранили на двух независимых носителях. Леон добавил к архиву схему положения аппарата и предел возможной ошибки координат. Не все эти сведения были красивыми, зато без них изображение легко можно было принять за результат другого участка банки.

Пока шла передача, аппарат завис над тёмной полосой. На глубинном изображении виднелись длинные нити, прикреплённые к нижней стороне светлых пластин. Они колыхались медленнее окружающей воды. Лада попросила остановить приближение камеры. Некоторые нити были достаточно тонкими, чтобы их нельзя было отличить от минерального осадка, но ритм их движения насторожил её.

— Это могут быть биологические образования, — сказала она. — А могут быть струи осадка. Не станем решать по картинке.

Мира вспомнила, что в плане следующего этапа значился забор материала и анализ состава. Если под коркой действительно существует живое сообщество, даже небольшой контакт способен повредить его. Но полностью отказаться от измерений значило бы оставить колонистов с той же непроверенной надеждой на землю. Мира записала задачу: сначала установить границы изменяющегося слоя и условия его безопасности, затем вместе с биологами согласовать способ отбора, который даст информацию при минимальном воздействии. Пока же они могли работать только с изображениями и данными датчиков.

Когда пришёл ответ Риана, в нём было одно неожиданное слово: «Покажите». Он просил не только прислать кадры, но и провести короткий разговор с советом в прямой связи, пока люди ещё находились в зале. Мира посмотрела на часы. До смены течения оставалось мало времени; аппарат нельзя было оставлять без наблюдения. Она предложила Леону выйти к совету по связи, а сама осталась у пульта вместе с Ореном. Леон растерялся. Он лучше чувствовал себя среди приборов, где каждое возражение можно проверить числом. Перед людьми ему придётся говорить о том, чего он не знает.

— Скажи им то, что видел, — попросила Мира. — И почему это не равно площадке для высадки. Не надо объяснять им всё устройство океана.

Леон включил связь. На экране появились несколько лиц в тесном зале. Одни смотрели внимательно, другие листали перед собой распечатанные планы. Риан представил Леона как гидрографа экспедиции и попросил объяснить новые наблюдения. Леон вывел два изображе-

ния: ровную светлую поверхность до разлома и ту же область после. Не стал увеличивать второе, пока первое оставалось на экране. Показал, что аппарат нигде не касался корки и что разрушение произошло при естественном изменении состояния воды.

Женщина из совета спросила, не означает ли это, что весь берег состоит из тонкой плёнки. Леон ответил, что нет оснований распространять свойства одного фрагмента на весь участок. Но и считать этот участок прочной площадкой по верхнему изображению тоже нельзя. Другой участник потребовал назвать возможную максимальную нагрузку. Леон сказал, что без контактного опыта и понимания опоры под поверхностью не может дать честное число. Это вызвало недовольный гул.

— Нам нужны не оговорки, а решение, — сказал мужчина возле края стола.

Риан не заглушил его. Он попросил Леона объяснить, какое решение уже можно принять. Гидрограф посмотрел на Миру через маленькое окно связи, хотя она не должна была участвовать. Затем ответил сам:

— Не отправлять к этой точке людей и тяжёлую платформу. Сохранить безопасный обход для грузов. Разрешить следующий контактный опыт только после проверки чистоты насадки и отдельного ограничения нагрузки. Так мы не объявляем невозможность высадки навсегда. Мы не разрешаем её сейчас.

В зале снова заговорили, но тон изменился. Участники могли спорить о сроках нового опыта и о том, сколько фильтров требуется куполам, однако перестали считать красивую карту готовым разрешением. Риан поблагодарил Леона и попросил прислать письменное заключение с теми же ограничениями. Мира услышала в его голосе усталость, но не раздражение. Он наконец получил ответ, за который можно было отвечать перед людьми, не обещая невозможного.

Пока Леон говорил, Орен следил за аппаратом. Течение усилилось быстрее расчёта. В верхней части экрана появились обломки светлой корки. Один приблизился к кабелю связи. Орен дал команду на безопасный отход, но обломок ненадолго зацепился за защитное кольцо. Кабель натянулся, и индикатор нагрузки приблизился к установленному пределу. Мира не стала ждать полной потери связи. Она включила автономное возвращение и приказала наблюдателю выбирать кабель с той скоростью, которую подтвердил механик. Аппарат медленно развернулся, обломок соскользнул и ушёл вниз.

На палубе подняли мокрый корпус. Никаких образцов корки он не принёс. На защитном кольце осталась тонкая белая полоса, но Лада не разрешила считать её пробой: неизвестно, где именно она появилась, и внешняя поверхность аппарата не предназначалась для чистого отбора. Орен проверил привод и обнаружил небольшую царапину на оболочке кабеля. Он записал повреждение и снял устройство с допуска до замены защитного участка. Резервный аппарат оставался исправным, но выходить снова немедленно не собирались: теперь имелись сведения, которые нужно было разобрать.

Мира стояла у стола, где лежали две записи одного и того же места. На первой светлая полоса выглядела почти спокойным островом. На второй она уже распалась на пластины, между которыми двигалась вода. Их сегодняшний результат нельзя было превратить ни в карту будущего поселения, ни в полный запрет исследовать этот участок. Они установили более скромное и более важное: видимый край меняется, под ним есть вода, а даже без тяжёлой нагрузки корка может разрушаться. Следующим шагом станет опыт с известной малой силой, если они найдут способ не повредить то, чего ещё не понимают.

Леон вернулся в лабораторию с кружкой давно остывшего напитка. Он сказал, что впервые почувствовал себя полезным не тогда, когда назвал причину сигнала, а когда объяснил, почему пока не может назвать прочность. Мира улыбнулась. За стеклом банка почти исчезла под низким светом, и никто не мог бы угадать, какие хрупкие формы лежат под этим ровным горизонтом. Риан уже отправлял в купола новую сводку, а Ида отвечала ему списком срочных нужд. Непроверенная суша перестала быть обещанием завтрашнего утра. Но ожидание людей

никуда не делось, и завтра Мире придётся найти способ узнать больше, не разрушив предмет собственного исследования.

На следующее утро Орен принёс в лабораторию не тяжёлый щуп, о котором спорили накануне, а тонкую сменную пластину в прозрачной упаковке. Она выглядела почти хрупкой. Внутри находился датчик усилия, способный записывать давление в пределах нескольких заранее выбранных значений, а снаружи — гладкая поверхность, которую можно было очистить и проверить до выхода. Орен положил рядом две одинаковые пластины: одна предназначалась для опыта, другая оставалась запечатанной контрольной. Отдельно он приготовил небольшой купон из той же партии полимера для проверки следов обработки. Лада сразу спросила, из какого материала сделана оболочка и чем её обрабатывали после изготовления.

— Вы собираетесь измерять прочность или загрязнение поверхности? — удивился Леон.

— Возможно, и то и другое, — ответила она. — Но если мы потом увидим на корке незнакомые вещества, должны знать, какие из них могли занести сами.

Орен показал технологическую запись. Пластины изготовили из доступного полимера, устойчивого к солям, и после обработки хранили в герметичных коробках. Он не обещал полной химической инертности: в условиях этой планеты они ещё не проверяли все возможные реакции. Поэтому Лада взяла смыв с контрольного купона и поместила его в отдельный сосуд. Запечатанную контрольную пластину оставили под тем же освещением, что и рабочий прибор. Рабочая пластина оставалась нетронутой до установки. Экспедиции потребовалось ещё несколько часов, чтобы подготовить опыт, который при взгляде со стороны выглядел как простое прикосновение к белой поверхности.

Мира просмотрела план нагрузки. Орен хотел приложить к корке сначала минимальное усилие, затем постепенно увеличить его до границы, при которой они обязаны остановиться. Граница была выбрана не по фантазии инженера: она учитывала предел чувствительности датчика и безопасную возможность немедленно поднять пластину. Но этого усилия всё ещё было недостаточно, чтобы судить о настоящей посадочной платформе. Масса платформы, площадь опор и динамика касания были совсем другими. В отчёте Мира заранее выделила отдельную строку: «Испытание лёгкого зонда не является допуском для посадки».

— Если мы заранее пишем, что результат не годится для платформы, зачем он нам? — спросил Риан по связи.

— Он покажет, выдерживает ли корка даже небольшой известный контакт, — ответила Мира. — Если не выдерживает, это уже важное ограничение. Если выдерживает, мы только получим основание проектировать следующий, более осторожный опыт.

Риан смотрел из зала орбитального корабля на обзорный экран с прямой передачей со сборочной площадки плавучего «Третьего круга». Вчера доставку очередного модуля снова перенесли: морские буксиры были заняты фильтрами и безопасным обходом. Он выглядел не столько раздражённым, сколько опустошённым. Мира поняла, что любые слова о последовательности исследований слышатся ему как прибавление дней к уже слишком долгому ожиданию.

— У меня там семь семей, которым обещали отдельное помещение, — сказал он. — Им всё равно, сколько строк в вашем журнале. Они хотят понять, где будут спать.

— Тогда не привязывай их переселение к этому берегу, — сказала Мира. — У нас есть плавучая секция, маршрут к которой уже проверяли. Пусть инженеры покажут, как ускорить её подготовку без нового риска. А наш опыт нельзя заставить выдать другой результат оттого, что он кому-то нужен.

Риан долго молчал. Потом попросил прислать данные о нагрузке сразу после получения, без красивых общих фраз. Мира пообещала отправить протокол и короткое понятное объяснение, в котором будут и числа, и границы их применения. Она не стала обещать время завершения опыта: ветер мог снова подняться и отменить выход.

Ветер действительно усилился к полудню. Над банкой появилось тёмное пятно от плотного облака, и поверхность, которую накануне было хорошо видно, исчезла из верхней камеры. Но измеренные условия на безопасном маршруте ещё оставались допустимыми для небольшого аппарата. Орен подготовил запуск и попросил Миру подтвердить, что при выходе за пределы ветрового окна они немедленно возвращаются. Лада проверила герметичность рабочей пластины. Леон закрепил координатную сетку на карту, где все ещё неуверенные участки были заштрихованы, а не закрашены как твёрдая земля.

Аппарат приблизился к банке с другой стороны, чтобы избежать места вчерашнего разлома. На экране снова появились светлые пластины с тёмными швами. Их расположение изменилось: одна широкая полоса разошлась на два небольших поля, другая исчезла под водой. Мира попросила не искать точного совпадения с прежней фотографией, а заново описать текущую геометрию. Леон отметил, что аппарат подошёл при другой фазе течения. Даже если корка была тем же материалом, её опора снизу могла быть совершенно иной.

На выбранной точке поверхность выглядела ровнее и толще, чем возле вчерашнего разлома. Под ней сохранялась вода, но тонкий участок светлого вещества соединял несколько выступов, напоминавших приглушённые рёбра. Орен опустил измерительную пластину до нескольких сантиметров над коркой, остановился и сделал снимок. На нём было видно, что аппарат не касается поля случайно нижним краем корпуса. Затем включил медленный ход контактной рамки.

Первое касание почти не отразилось на изображении. На графике появилась короткая ступенька. Пластина удерживала заданное минимальное усилие, а под ней поверхность прогнулась так мало, что камера различала изменение лишь по меткам рамки. Леон попросил повторить измерение, не увеличивая нагрузку. Орен поднял пластину, подождал и опустил её в ту же точку. Результат оказался похожим, но не тождественным: под коркой уже двигалась вода, и датчик положения зарегистрировал малый дрейф аппарата.

— Значит, выдерживает, — сказал Леон.

— Выдержала два касания при малой силе на этой точке, — уточнила Мира. — Не превращай это в свойство всего поля.

Леон посмотрел на неё без прежнего раздражения. Вчера он уже объяснял совету границы выводов и теперь сам предложил записать дрейф отдельно. Мира почувствовала облегчение: ей больше не нужно было одной следить за каждым опасным обобщением.

На третьем касании Орен чуть увеличил нагрузку в пределах утверждённого диапазона. Светлая поверхность прогнулась заметнее. По краю пластины появилась тонкая тёмная линия, которая вначале напоминала тень. Лада попросила остановить увеличение и проверить изображение с другого угла. Они увидели настоящий мелкий разлом. Сила на датчике ещё оставалась значительно меньше того, что потребовалось бы тяжёлой платформе, но вокруг точки приложения уже возникло повреждение.

— Поднимаю, — сказал Орен.

Пластина медленно ушла вверх. На её рабочей поверхности не было видимого фрагмента корки, зато в воде оставалась узкая трещина. Мира записала максимальное достигнутое усилие и тот факт, что разлом возник до достижения запланированного верхнего предела. Она не стала называть это «порогом разрушения»: изменяющаяся опора, скорость контакта и состояние поверхности не позволяли вычислить универсальное число по одному опыту. Но для принятия решения о посадке вывод был уже достаточно серьёзным.

Лада смотрела на трещину с тревогой. По её краю двигались те самые нити, замеченные на вчерашней записи. От контакта они словно втянулись под белый слой, а через минуту некоторые снова вытянулись наружу. Она попросила сохранить видео без сжатия и отвести аппарат, чтобы не повторять давление по соседству. Нельзя было знать, являются ли нити живыми обра-

зованиями или необычным осадком, но их движение после касания делало вопрос о последствиях исследований уже не отвлечённым.

Орен вернул устройство в безопасную точку. Он предложил измерить ещё одну пластину на расстоянии нескольких метров, чтобы понять, насколько меняется сопротивление. Мира отказалась от немедленного повторения. На текущем выходе их задача была ограничена одной точкой и одним известным диапазоном усилий. После появления трещины нужно было сначала разобрать данные, а не расширять опыт только потому, что аппарат ещё исправен.

— Ты снова останавливаешься раньше, чем можно узнать самое интересное, — заметил он.

— Самое интересное сейчас может быть в том, почему корка треснула, — ответила Мира. — Если начнём давить рядом, мы изменим поле и сами потеряем возможность сравнить его с первоначальным состоянием.

Орен не спорил. Он знал, сколько времени требуется на очистку и повторную проверку аппарата после контакта. Легко предложить новое касание, когда смотришь на экран; труднее потом установить, что именно оставил под собой прибор.

Вернувшись к наблюдателю, они сняли рабочую пластину в герметичном отсеке. На ней остался светлый налёт, слишком тонкий для уверенного определения состава. Лада поместила её в отдельный контейнер и сравнила с контрольной. Смыв с последней не показывал такого же следа, но это ещё не делало налёт чистым образцом местной корки. Он мог появиться при контакте с водой или при подъёме. В журнале так и написали: «Налёт после контактного испытания; происхождение не определено».

Риан прислал новый запрос ещё до того, как завершили разгрузку аппарата. Совет хотел использовать видеозапись для публичного отчёта и просил формулировку, которую можно уместить в нескольких строках. Мира посмотрела на таблицу сил и не стала переносить туда все цифры: без описания площади пластины они могли создать ложное впечатление. Вместо этого составила короткое заключение: лёгкий зонд выдержан на одной точке при самом малом касании; при увеличении усилия в пределах разрешённого опыта корка дала трещину; прочность для тяжёлой посадочной платформы не подтверждена, высадка людей запрещена до отдельного решения.

Риан прочитал и спросил, нельзя ли убрать последнее слово. «Запрещена» звучало окончательно. Мира ответила, что в текущем плане безопасности высадка действительно не допускается, а будущие испытания могут изменить решение лишь при новых данных и новом согласовании. Слово не запрещало исследовать море. Оно запрещало использовать неизвестную корку как основание для людей уже завтра.

На совете после получения отчёта начался спор. Один из инженеров предложил установить на банке лёгкий якорь и затем подвесить между несколькими точками плавающую платформу. Другой заметил, что такая конструкция может быть полезна, если все основные нагрузки останутся на воде, а не на корке. Риан попросил не выдавать идею за готовый проект. Её придётся рассчитывать отдельно, с учётом течений и возможного разрушения поверхности. Пока единственным проверенным направлением снабжения оставался обход, которым пользовались буксиры Веды.

Ида из «Второго круга» вышла на связь поздно вечером. Она поблагодарила Миру за точную формулировку. В санитарном отсеке пока удерживали приемлемые условия, но очистка последнего фильтра затягивалась. Ида просила не торопить высадку только ради того, чтобы дать людям видимость выхода. Вместо этого она предложила временно перенести часть коек в соседнюю секцию, если грузовые инженеры смогут подтвердить безопасность прохода. Мира переслала предложение Риану вместе с просьбой рассмотреть его независимо от исследования банки.

Когда связь закончилась, Леон пришёл в лабораторию с результатами повторного просмотра видео. Он заметил, что трещина началась не прямо под серединой пластины, а возле старого тёмного шва, который на верхнем изображении почти сливался со светлым полем. Это могло означать, что сопротивление корки зависит от уже существующей структуры, а не только от её толщины. Мира попросила не строить на этом окончательную модель. Но предложила отметить расположение швов на следующей карте и использовать их для выбора бесконтактных точек наблюдения.

Леон сел рядом с ней. Вчера они называли неизвестную поверхность банкой, сегодня уже говорили о пластинах, швах и сопротивлении. Каждое новое слово казалось шагом к пониманию, но могло превратиться в новую привычку, если перестать проверять его смысл. Мира открыла журнал, где стояли две строки: «Малое касание выдержано» и «При большей нагрузке появилось повреждение». Между ними лежал ответ, который вряд ли порадует совет, зато мог удержать людей от опасного шага.

За иллюминатором над океаном опускалась ночь. Белый участок снова выглядел цельным, как будто трещины и разломов никогда не было. Мира знала, что камера с орбиты увидит именно такую гладкую полосу. Она не винила прибор за красоту изображения. Ошибкой было бы объявить эту красоту прочностью. Завтра им предстояло разобраться, почему минеральная поверхность появляется и исчезает вместе с течениями, и что происходит под ней, когда лёгкая пластина нарушает её покой.

Утром Риан прислал не запрос на новую пробу, а изображение объявления, вывешенного у распределительного зала «Второго круга». На нём была остановленная запись вчерашнего опыта: пластина зонда лежала на белой поверхности, а под снимком стояло: «Опора выдержала испытание». Ни слова о следующем касании, после которого по корке пошла трещина. Мира увидела внизу подпись технической службы. Объявление подготовили люди, имевшие доступ к исходной записи.

— Это ведь правда, — сказал Леон. — На первом касании выдержала.

— Правда, из которой вынули вторую половину. И теперь она обещает больше, чем весь опыт.

Риан появился на экране не сразу: шёл по переходу, где рабочие передвигали контейнеры. Он выглядел сердитым прежде, чем услышал вопрос.

— Я объявление не утверждал. Дежурный инженер взял изображение из сводки. Хотел показать людям, что мы не сидим сложа руки.

— Не убирай первый снимок, — сказала Мира. — Поставь рядом второй кадр и время обоих касаний. Иначе мы исказим опыт в другую сторону.

Риан обещал исправить объявление до собрания совета и спросил, сможет ли Мира подготовить расчёт для посадочной платформы. Не общий запрет, а сравнение, которое выдержит спор с инженерами.

— Расчёт нагрузок сделает Орен. Я отвечу за то, что можно заключить о поверхности. Мы не превратим один разлом в точное число прочности.

Орен открыл чертёж платформы. На схеме её четыре опоры выглядели одинаковыми, но при касании неровной поверхности первая нога принимала большую часть усилия, пока остальные ещё оставались над водой. Плавучесть корпуса могла уменьшить вес, передаваемый корке, однако только при определённом положении платформы и спокойной воде. Стоило волне приподнять один край, и распределение менялось. Орен нанёс на прозрачный лист три положения корпуса: на воде, при первом контакте и после частичного оседания.

— Если считать только среднюю нагрузку на четыре опоры, выйдет красиво, — сказал он. — Но такая красота держится на предположении, что все четыре одновременно нашли одинаковую поверхность.

Леон принёс карту швов. Обнаруженный вчера разлом оказался продолжением тёмной полосы, уходившей под мутную воду. Ни её длина, ни глубина не были известны. Он положил карту поверх чертежа, совместив масштаб, и одна из опор пришлась на шов. При небольшом сдвиге схемы она попадала на светлую пластину. Два варианта требовали совершенно разных представлений о том, что находится под платформой.

Орен убрал линию предполагаемого твёрдого грунта и заменил её широким полем неопределённости. Рядом вывел график усилия вчерашнего зонда. Первая точка лежала ниже уровня, при котором появилось видимое повреждение. Вторая была отмечена как опыт с разрушением, но не как установленный предел материала. На расчётной схеме платформы силы даже в благоприятном положении выходили за диапазон проверенного контакта. Сравнивать их напрямую было нельзя: отличались площадь, длительность, скорость и состояние опоры.

— Значит, мы докажем, что она не выдержит? — спросил Леон.

— Нет, — сказал Орен. — Мы докажем, что не имеем основания отправлять туда людей. Это разные утверждения. Я не собираюсь придумывать точность, которой у нас нет.

До совета оставалось меньше часа, когда капитан Веда прервала расчёты. Один из грузовых буксиров запросил сокращённый путь через западный край банки. Его навигационный планшет получил обновление с обозначением «исследованная площадка», и дежурный решил, что проход теперь безопаснее прежнего обхода. Веда отказала ему и приказала оставаться на проверенном маршруте. Буксир не успел отклониться, но сам запрос показал, как быстро слово из научного отчёта превращается в направление движения.

— Кто передал такое обозначение? — спросила Мира.

— Карта пришла с грузового узла. Там нет отметки о высадке, но есть белый контур. Капитан видит контур и думает о мелководье, где можно укрыться от течения.

Леон побледнел. Он сам вчера отправил грузовому узлу упрощённую схему. На подробной карте рядом стояли предупреждения, но при передаче на малый экран они исчезли.

— Моя схема, — сказал он. — Я выбрал слишком тонкую штриховку для неизвестного участка.

Веда потребовала исправления до следующей смены. Пока новое изображение не пройдёт проверку на всех бортовых устройствах, она вводила словесное распоряжение: к банке не приближаться, прежний обход обязателен. Мира предложила не перекрашивать сомнительную поверхность в цвет опасного рифа: такой знак тоже означал бы знание, которого не было. Леон сделал отдельную зону с ясной надписью: «Глубина и несущая способность не подтверждены. Проход и высадка запрещены». Для самых простых приборов Веда приказала передавать предупреждение отдельным сообщением.

На совете первым выступил не инженер, а человек из «Второго круга», которого Мира прежде слышала только по связи. Его звали Савел. Он ремонтировал водоочистители и теперь держал на руках маленького сына, уснувшего посреди разговора. Савел спросил, сколько ещё раз им покажут белую поверхность и скажут, что к ней нельзя приближаться.

— Нам нужно место, где ребёнок сможет спать, не просыпаясь от того, что сосед меняет фильтр над его головой. Если этот остров ненадёжен, скажите, где вы возьмёте другое место.

Мира могла перечислить причины запрета, но вопрос был не о причинах. Она повернулась к Риану. Тот вывел на экран план свободных помещений. В плавучей секции для «Третьего круга» не хватало двух герметичных соединений и проверенного перехода. Перебросить туда семьи сегодня было нельзя. Однако на морском грузовом судне, пришвартованном у «Второго круга», после выгрузки фильтров освобождался отсек. Он не предназначался для постоянного жилья, зато имел исправную вентиляцию и отдельный санитарный узел. Переоборудование потребовало бы снять стеллажи и проверить крепления коек.

— Я не обещаю переселение к вечеру, — сказал Риан. — Инженеры должны подписать безопасность. Но этот путь не зависит от того, что обнаружится под коркой.

Савел спросил, почему о нём заговорили только теперь. Риан признал, что часть людей и материалов держали в резерве для предполагаемой высадки, потому что ожидали от банки быстрого решения. Теперь резерв следовало вернуть в общий план снабжения. Для этого понадобилось бы отменить подготовленные наряды на монтаж посадочных опор.

Один из членов совета возразил, что такое решение лишит экспедицию возможности использовать удачный участок, если он всё же найдётся. Орен показал три положения платформы. При первом касании корпус не может гарантировать равномерное распределение нагрузки. Вчерашний зонд вызвал повреждение при усилии, которое не позволяло судить о поведении большой конструкции. Ни швы, ни толщина корки не были измерены достаточно подробно. Отправка людей означала бы испытание неизвестной опоры их собственным весом.

— А если поставить платформу на поплавки?

— Тогда мы обсуждаем новую плавучую конструкцию, — ответил Орен. — Её нужно рассчитывать как плавучую, а не объявлять посадкой на сушу. Она не станет безопасной от перемены названия.

Лада попросила показать запись трещины без ускорения. На большом экране пластина медленно опустилась, остановилась, затем поднялась, оставив тёмную линию. Рядом шёл вид с другой камеры, где можно было различить старый шов. Савел спросил, почему на первом снимке поверхность выглядела такой гладкой. Леон объяснил разницу углов и разрешения и добавил, что даже подробное изображение не заменяет испытания опоры.

Когда голосование началось, Мира не знала, чего ждать. Совет не решал, существует ли банка. Он решал, какие действия допустимы при нынешних сведениях. Большинство поддержало отмену подготовки тяжёлой высадки и передачу освободившегося оборудования на переустройство жилого отсека. Двое воздержались, потребовав пересмотра решения после новых измерений. Их требование внесли в протокол, но без даты, к которой исследователи обязаны были добыть желаемый результат.

После заседания Савел задержался у экрана связи. Он попросил Миру не считать его выступление обвинением. Она ответила, что услышала именно то, что он сказал: людям нужен безопасный сон, а не объяснение приборов вместо кровати.

— Только сделайте так, чтобы и новый отсек не оказался таким же обещанием, как берег.

Мира передала эти слова Риану. Он предложил Савелу участвовать в проверке вентиляции как специалисту по очистке воздуха. Савел согласился, но попросил, чтобы заключение подписывали не только работники его смены. У него было достаточно причин не доверять собственной надежде.

К вечеру Веда сообщила, что первый буксир прошёл безопасный обход с фильтрами и вернулся без отклонений. На грузовом корабле начали освобождать отсек, но работы остановили после обнаружения повреждённого крепления в одной из стенок. Риан распорядился заменить его до монтажа коек. Это задерживало переселение ещё на смену. Никто не пытался скрыть задержку: после истории с белой площадкой даже хорошая новость нуждалась в проверке.

Мира вернулась к записи контакта. На увеличенном изображении край трещины выглядел неровным, а возле него едва различимые нити меняли положение вместе с водой. Лада хотела понять, связано ли это движение с течением или с самой поверхностью. Она предложила на следующий выход поставить неподвижную камеру вне банки и наблюдать за тем же участком без касания. Мира согласилась подготовить протокол, но попросила сначала определить, как отличить движение частиц от перемещения самой корки. Они уже нанесли повреждение и не имели права забыть о нём, словно опыт закончился вместе с голосованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.